

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

Научно-учебная лаборатория
«Институциональный анализ экономических реформ»

С.В. Санович

**КОНСОЛИДАЦИЯ
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
В ПЕРЕХОДНОЙ РОССИИ**

Препринт WP10/2009/03
Серия WP10

Научные доклады лаборатории
институционального анализа

Москва
Государственный университет – Высшая школа экономики
2009

С 18 Санович С.В. Консолидация гражданского общества в переходной России: Препринт WP10/2009/03. — М.: Издательский дом Государственного университета — Высшей школы экономики, 2009. — 32 с.

В работе анализируется процесс консолидации институционализированных субъектов гражданского общества (негосударственных организаций) в России в период между концом перестройки и 2007 г. Анализ сфокусирован на правозащитных НГО как самом сильном и активном типе подобных организаций, который во многом определял направления приложения и эффективность консолидационных усилий. В работе последовательно рассматриваются четыре этапа консолидации гражданского общества. С использованием кривой институциональных возможностей, показано, что последовательность этих этапов не случайная, а обладает определенной логикой. Вывод состоит в том, что упустив, в силу недооценки важности, возможность консолидироваться в относительно благоприятную для НГО эпоху, они заплатили за это, когда возможностей для консолидации стало существенно меньше, а потребность в ней — значительно возросла. Предложена гипотеза, объясняющая причины недооценки важности консолидации ведущими НГО. В работе использованы материалы интервью, проведенных автором с ключевыми участниками процесса.

УДК 334.724
ББК 65.49

Санович С.В. — Лаборатория «Институционального анализа экономических реформ» Государственного университета — Высшей школы экономики (sergsanovich@gmail.com.)

Sanovich S. *Civil Society Consolidation in Transition Russia*: Working paper WP10/2009/03. — Moscow: State University — Higher School of Economics, 2009. — 32 p.

This paper analyzes the process of consolidation of institutionalized entities of civil society in Russia (non-governmental organizations, NGOs) between the end of perestroika and 2007. The analysis is focused on human rights NGOs as the strongest type of such organizations, which, at large, determines the patterns and the effectiveness of consolidation efforts. The paper sequentially analyzes four stages of civil society consolidation process. Application of Djankov and Shleifer's institutional possibility frontier helps to show that the consequence of these stages is nonrandom and has definite logic. The conclusion is the following: the underestimation of importance of consolidation led NGOs to omission of the chance to consolidate in comparatively favorable period, so they were made to pay for it in the next period, when opportunities for consolidation were strictly limited but the necessity for it rose sharply. The hypothesis is suggested to explain, why leading NGOs underestimate importance of consolidation. The paper uses some interviews with key figures of consolidation process.

Препринты Государственного университета — Высшей школы экономики размещаются на сайте <http://new.hse.ru/C3/C18/preprintsID/default.aspx>

© Санович С.В., 2009
© Оформление. Издательский дом Государственного университета — Высшей школы экономики, 2009

1. Введение¹

Каково нынешнее состояние гражданского общества России?²

На этот вопрос есть разные ответы. Многие авторы отмечают плачевное состояние неправительственного сектора, его упадок, кризис и т.д. (Belyaeva, Proskuryakova, 2008; Hearing «Human Rights...», 2006; Choking on Bureaucracy, 2008; Social Enterprise, 2008; Freedom of Association Under Threat, 2008, p. 38–40). Более осторожные авторы (обычно, анализируя более представительные данные за более продолжительный период) говорят об особенностях российского гражданского общества и невозможности оценивать его по западным стандартам (Шмидт, 2006); о незавершившемся процессе становления российского гражданского общества (Jakobson, Sanovich, 2009). Такие оценки представляются вполне адекватными, если иметь в виду анализ предпосылок для долгосрочного развития третьего сектора в России.

¹ Идея работы появилась у автора в процессе изучения курса Л.И. Полищука «Экономика реформ» в Государственном университете — Высшей школе экономики. Возможность провести интервью со столь информированными экспертами — результат неоценимой помощи президента Фонда защиты гласности А.К. Симонова, которая выразилась также в советах и рекомендациях, данных автору, подсказанных ему идеях. Автор благодарит Е.В. Ковалевскую, Я.И. Кузьминову, М.М. Юдкевич и Л.И. Якобсона за полезные советы, рекомендации и замечания, касающиеся как этой работы, так и в целом проблем изучения гражданского общества, третьего сектора и социального капитала.

Критика коллег по Лаборатории «Институционального анализа экономических реформ» помогла автору лучше понять слабые места в его работе.

За все ошибки ответственность несет автор.

² Автор оставляет за скобками вопрос об определении гражданского общества. Следуя за (Anheier, 2007), мы исходим в данном случае из широкого определения гражданского общества: оно включает как неформальные, так и формально зарегистрированные организации и инициативы, добровольно созданные гражданами, не связанные с распределением прибыли и/или захватом власти и открытые для других потенциальных участников. При этом под третьим сектором, состоящим из зарегистрированных негосударственных организаций (НГО), понимается институционализированная часть гражданского общества, служащая основой для его функционирования.

Однако такой осторожный долгосрочный оптимизм не ограждает нас от того факта, что роль и статус гражданского общества в стране в 2000-е годы резко изменились по сравнению с 1990-ми годами, и это явилось прямым следствием процессов, происходивших в секторе, как под влиянием внутренних причин, так и под внешним воздействием³.

Гражданское общество России превратилось из инновационного, развивающегося опережающими темпами сектора-лидера, в котором рождались новые идеи и организационные модели (таким оно было в 1990-е годы), в сектор, находящийся в идейном кризисе, не успевающий за динамичным ростом экономики, в основном реактивно отвечающий на воздействие со стороны других субъектов, живущий по «чужой» повестке дня.

В 1990-е годы гражданское общество стало одним из агентов модернизации, быстрее других заимствуя организационные модели, «западный» подход к работе, проектные методы, ориентацию на результат, конкурсные процедуры отбора проектов, современные подходы к управлению, исключая конфликт интересов, и многое другое (см. Jacobson, Sanovich, 2009; Бахмин, 2004). Оно привлекало креативных молодых людей и являлось источником важных для общества идей и проектов, будь то программы поддержки учителей, вузов и ученых Фонда Сороса, или изучение советской истории, расследование преступлений этого периода Обществом «Мемориал».

Что касается 2000-х годов, все признаки указывают на то, что этот период стал не самым удачным для российского гражданского общества: кризис идей и лидерства тормозил его развитие изнутри, давление государства и уход иностранных доноров, не полностью компенсированный приходом отечественных благотворителей, — извне. В результате сектор из передового превратился в отстающий. Хотя российское гражданское общество остается плохо исследованным и качественные данные о его состоянии стали появляться только в последние несколько лет (Мерсиянова, Якобсон, 2007а), свидетельств изменения его роли в стране немало.

³ Надо сказать, что трудно не увидеть связь этой ситуации с общим состоянием российского общества (в самом широком смысле). Ситуация в гражданском обществе, в третьем секторе — вряд ли причина, но хороший индикатор положения дел в России, особенно если сравнивать конец 2000-х с концом 1980-х гг. (см. об этом (Дубин, 2006)).

Согласно имеющимся статистическим данным⁴, в 2000-е годы гражданское общество если и не утратило свой вес полностью, то по всем измеримым показателям стало уступать стремительно разрастающемуся государству и быстро растущему после дефолта и улучшения внешнеэкономической конъюнктуры бизнесу. Например, доля некоммерческих организаций (НКО)⁵ среди всех юридических лиц сократилась с 24% в 2003 году до 17% в 2006 году, а в 2006 и 2007 годах наблюдалось абсолютное сокращение числа НКО, впервые, по крайней мере, с 2001 года, а вероятно и вообще за всю историю новой России. Доля НКО, оказывающих услуги домохозяйствам, в ВВП, согласно данным Системы национальных счетов России, снизилась с 0,73% в 2002 году до 0,36% в 2006 году, т.е. в 2 раза (Абдрахманова, Ковалева, Санович, 2008). Оценка вклада всех НКО (т.е. также оказывающих услуги бизнесу, государству и друг другу) в ВВП в 1998 году составляла 2%, в 2002 — 1%, в 2006 году — 0,5% ВВП (Доклад, 2007).

Интересно в связи с этим сравнить, что именно было предметом внимания исследователей гражданского общества в разные годы. В 1990-е годы изучение третьего сектора было сосредоточено не на том, как сектор устроен, как устроены организации-лидеры и отношения между ними и властью, а на отношении людей к ним, т.е. фактически на отношении к тем ценностям, идеям, проектам, которые репрезентировали эти организации. Такой вывод можно сделать, проанализировав, например, данные, собранные в 1990-е годы российскими социологическими службами, такими как Левада-центр (до 2003 года — ВЦИОМ): опросы, посвященные теме гражданского общества (в широком смысле), главным образом изучают отношение людей к ведущим организациям третьего сектора, таким как «Мемориал» или «Комитет солдатских матерей», но никакого акцента на том, что это именно неправительственные, некоммерческие организации, не делается, не дифференцируются между собой российские

⁴ Статистика третьего сектора в России далека от международных стандартов и явно не учитывает его развитие во всем разнообразии (об этом см. (Абдрахманова, Ковалева, Санович, 2008)), однако некоторые выводы по ней сделать можно.

⁵ Российская статистика (а также законодательство) как единицу измерения использует некоммерческую организацию (НКО), однако там, где это возможно, из анализа исключены те НКО, которые не являются, по международным стандартам, негосударственными организациями (НГО) — учреждения и органы власти.

и иностранные, новые и советские организации и т.д., т.е. предметом интереса является именно то, насколько люди знают об идеях, репрезентируемых организациями, и разделяют их ценности (Отчет, 2006).

В 2000-е годы, напротив, активизировалась научная (и общественная) дискуссия о функциях гражданского общества, необходимым стало доказательство его «нужности» (Аузан, 2005). В эту сферу пришла традиционная российская парадигма самобытности всех действующих российских институтов и чужеродности всех заимствованных (Кордонский, 2005). В этом смысле можно констатировать, что гражданское общество в 1990-е годы было существенно более «естественной» частью общества в целом, чем в 2000-е. Парадокс состоит в том, что это сопровождалось интенсивной дискуссией о гражданском обществе, ведущейся на уровне первых лиц государства, и публично задекларированной заботой государства о развитии гражданского общества (проявившейся в выделении государством ежегодных грантов для НГО через Общественную палату и самом ее создании). По разным причинам, часть из которых мы попробуем описать ниже, гражданское общество как бы потеряло легитимность, было искусственно вытеснено из числа «естественных» институтов, которые существуют в любой свободной стране. В результате основной тенденцией в российском гражданском обществе последнего десятилетия можно назвать борьбу за существование, которая не могла не затормозить его развитие (не остановившееся полностью и даже ускорившееся в некоторых его крупных секторах — корпоративной и частной благотворительности, защите отдельных социальных прав граждан (Абдрахманова, Ковалева, Санович, 2008; Jacobson, Sanovich, 2009; Полищук, 2006)) и обусловило его отставание от других секторов экономики и частей российского социума.

Причины такого положения дел многочисленны, имеют разную природу и не могут быть даже кратко описаны в рамках одной статьи. В целом их можно разделить на внутренние и внешние; последние, в свою очередь, связаны с тремя субъектами-контрагентами гражданского общества: властью, иностранными донорами и собственно гражданами. Мы сосредоточимся главным образом на взаимоотношениях с властями, однако напрямую коснемся и внутренних причин замедления в развитии сектора, и последствий изменения предпочтений граждан.

Почему же столь успешно развившийся в начале 1990-х годов сектор оказался столь уязвим к давлению со стороны государства? Почему голос государства оказался громче, чем голос российских НГО? Почему гражданское общество не смогло получить полной легитимности в глазах граждан⁶? Почему уровень знания гражданами о работе НГО все еще остается невысоким, зачастую приводя к тому, что нуждающиеся в том или ином конкретном виде помощи тратят годы на то, чтобы узнать о работе давно действующей в этой области организации⁷?

Важнейшим фактором «успехов» государства, разумеется, является право на легальное насилие. Однако в то же время не менее важно и другое: государство выступает с более или менее единых позиций (более — в создании правовых норм, и менее — в их применении), в то время как российские НГО выступают по отдельности — в силу разобщенности, неспособности сформировать единое консенсусное мнение и отсутствия желания его защищать⁸.

О каких бы значимых для третьего сектора событиях последнего времени мы ни говорили, будь то новое законодательство об НКО

---

⁶ Этот вопрос важен в анализе отношений с государством, в которых полностью легитимное гражданское общество имело бы более сильную позицию, и имеет самостоятельное значение в рамках вопроса о финансовой состоятельности сектора, его человеческих и интеллектуальных ресурсах и т.д.

⁷ Не более 50% респондентов знают о том, что в их населенном пункте действуют какие-либо НГО (причем речь идет о профсоюзах, дачных товариществах, ветеранских объединениях и обществах инвалидов; известность других НГО — значительно ниже) (Мерсиянова, Якобсон, 2007а, с. 45–46). Такой низкий уровень известности может объясняться тем, что не во всех населенных пунктах действуют НГО, но даже в Москве уровень известности не превышает 66% ни для одного типа НГО (Там же. С. 45).

⁸ Это тема для отдельного исследования, однако необходимо отметить, что, хотя бы на первый взгляд, из трех секторов: бизнес, государство, третий (негосударственный и некоммерческий) сектор, последний остается наименее консолидированным. Государство, особенно в 2000-е годы с их непрерывным строительством «вертикали власти», стало предельно (вероятно, запредельно) консолидированным. Бизнес объединен в три крупных сообщества, в соответствии с масштабом компании, — «ОПОРА России» (малый бизнес), «Деловая Россия» (средний бизнес), РСПП (крупный бизнес), каждое из которых активно участвует в коммуникации с властью, лоббирует выгодные его членам изменения в законодательстве, способствует улучшению имиджа участников в глазах населения, т.е. делает именно то, что так необходимо НГО. В то же время уровень политической и профессиональной солидарности в России, по-видимому, остается невысоким.

(см. о его негативных последствиях (Аузан, 2007)), вопрос об иностранном финансировании НГО и связанный с ним скандал с так называемым «шпионским камнем»⁹, ликвидация под разными предлогами известных НГО (самый громкий пример – «Интерньюс») и крупнейшего благотворительного фонда «Открытая Россия»¹⁰, давление на многие другие организации или давно назревший вопрос о налоговых льготах для НКО, мы видим, что организации третьего сектора не смогли предъявить обществу и государству единую и подкрепленную силой всех организаций позицию. Во всех указанных и многих других случаях исход событий для гражданских организаций России оказался неутешительным. Не утверждая, что в данном случае имеет место жесткий детерминизм, мы предполагаем, что между неконсолидированной позицией и плохим исходом есть связь. С нашей точки зрения, если сектор неконсолидирован, он не способен противостоять давлению небенеvolentного правительства (обратное неверно); в свою очередь, без сильного гражданского общества стабильная демократия и контроль граждан за деятельностью своего правительства невозможны, а значит, вероятность его превращения в бенеvolentное остается низкой.

То же самое верно и для отношений с обществом «в широком смысле»: учитывая особенности сектора (широчайшую диверсификацию сфер деятельности с непересекающейся целевой аудиторией, преобладание небольших, финансово слабых организаций (Мерсиянова, Якобсон, 2007б, с. 57–58)) отдельные организации, даже крупные (относительно других), не могут обладать самостоятельной легитимностью (о проблеме доверия к НГО см. (Отчет., 2006)). А коллективная легитимность требует вложения общих ресурсов, механизмов защиты общей репутации от недобросовестных агентов – тех, кто только маскируется под неправительственные, некоммерческие или добровольные организации (см. об этом (Маковецкая, 2006, с. 224)).

⁹ Скандал разразился в начале 2006 г., после того как на телеканале «Россия» в программе «Специальный корреспондент» вышло документальное расследование Аркадия Мамонтова, в котором рассказывалось о финансировании ряда российских НГО английской разведкой, связь с агентами которой правозащитники якобы осуществляли посредством радиопередатчика, замаскированного под обычный булыжник.

¹⁰ Ликвидация фонда «Открытая Россия» не являлась юридически или экономически необходимым следствием дела Ходорковского и даже ликвидации компании «ЮКОС».

Наконец, в стране, для которой НГО фактически были новинкой, был необходим активный маркетинг, который помог бы сектору, с одной стороны, выбрать самые необходимые своим потенциальным клиентам сферы деятельности, и с другой стороны – превратить потенциальных клиентов в реальных¹¹. Такой маркетинг, учитывая разнообразие, разобщенность и низкий уровень социальной адаптации основных клиентов, не посилен для отдельной НГО, поскольку требует слишком больших финансовых и информационных ресурсов и поэтому может быть только коллективным.

Таким образом, представляется, что консолидация гражданского общества – ключевой фактор успеха на нынешнем этапе его развития.

Цель данной работы – изучить причины, из-за которых российское гражданское общество остается неконсолидированным.

Операциональное определение консолидации, используемое в этой работе, включает следующие три компонента:

- осознание необходимости и желание ведущих НГО сформулировать общую позицию сектора в отношении важнейших для него проблем, особенно тех, которые прямо касаются условий его функционирования;
- способность ведущих НГО сформулировать позицию, которая бы отражала мнение основных стейкхолдеров сектора;
- и наконец, готовность ведущих НГО использовать имеющиеся у них ресурсы для защиты этой позиции.

Задачи работы – во-первых, проследить путь развития российского гражданского общества в терминах его консолидации и, во-вторых, найти фундаментальные причины ее низкого уровня, обратившись к истории советских диссидентских организаций – *протогражданского общества*, существовавшего в СССР.

¹¹ Маркетинг фактически был заменен предпочтениями иностранных доноров. В тех случаях когда их поддержка была направлена на НГО, занятые проблемами, действительно актуальными для граждан, это давало прекрасные результаты. Достаточно привести примеры защиты прав призывников через Комитеты солдатских матерей или прав потребителей Обществами защиты прав потребителей. В других случаях (например, поддержке женского движения) иностранный опыт не давал таких блестящих результатов – он касался проблем либо не первоочередных, либо вообще иначе понимаемых в русской культуре (см. об этом (Jakobson, Sanovich, 2009)).

Важнейшая часть фактического материала для этой работы, а также некоторые ценные идеи, получены автором в ходе проведенных интервью с ведущими экспертами и руководителями российских НГО. Полный список экспертов приводится в конце работы.

В следующем разделе мы опишем исторический контекст и определим более четкие рамки работы, т.е. проясним некоторую терминологическую путаницу, которая неизбежно возникает в любом исследовании, посвященном гражданскому обществу. Затем мы кратко опишем предшествующие исследования, так или иначе связанные с нашей темой. В четвертом разделе дано хронологическое описание стадий консолидации гражданского общества России. Пятый раздел посвящен краткому описанию используемой нами модели кривой институциональных возможностей и представит наше видение логики процесса консолидации. Шестой раздел представляет гипотезу, объясняющую зависимость процесса консолидации от предыдущего пути развития (path dependence). Завершают работу некоторые выводы.

2. Лидеры гражданского общества в переходной России

Консолидация — процесс, в котором могут (и в идеале — должны) участвовать все организации гражданского общества¹². Теоретически он может происходить и снизу. Однако в реальности, особенно на раннем этапе становления, только самые сильные организации, которые уже имеют широкие контакты с коллегами из других регионов и «отраслей» третьего сектора и финансово устойчивы, могут позволить себе абстрагироваться от собственных интересов и краткосрочных планов и осмыслить, есть ли у них общие интересы с коллегами, нужно ли и как именно их защищать, наконец, выделить на это ресурсы. Кроме того, небольшим НГО труднее решить проблему кол-

---

¹² Условием для этого является комплементарность интересов всех организаций, стремящихся к консолидации. Мы не утверждаем, что она имела место во всех случаях (и наоборот, в разделе 4 приводятся примеры, когда консолидации препятствовала конкуренция за гранты), однако мы исходим из того, что многие самые важные и трудные проблемы НГО — доверие к ним в обществе, отношения с властями, законодательное регулирование и многие другие — были общими и интересны НГО относительно них были не противоречивыми.

лективных действий, а крупные организации в этом процессе может привлечь возможность еще более упрочить позиции, став у истоков крупных консолидационных структур¹³. Поэтому для анализа консолидационных процессов нам необходимо выделить среди широкого спектра НГО те, которые играли в них ключевую роль.

До смерти Сталина вся гражданская активность в СССР была подавлена или вытеснена из публичной сферы в личную и семейную; институционализированные же формы объединения граждан (профсоюзы, молодежные организации, творческие союзы и профессиональные ассоциации) были полностью подчинены строжайшему контролю государства, партийных органов и тайной полиции (Biddulph, 1975; Uhlin, 2006).

Сразу после окончания эпохи сталинизма ситуация стала меняться (Зудин, 1995а и 1995б). Во-первых, в официальных советских общественных организациях (профсоюзах, профессиональных обществах и т.д.) на низовом уровне стали появляться сферы, относительно свободные от идеологии, где люди могли хотя бы в минимальной степени решать собственные проблемы через самоорганизацию и взаимопомощь (Jacobson, Sanovich, 2009). Однако эти структуры оказались слишком косными и поэтому в эпоху реформ не смогли приспособиться к новым условиям, не стали основой для самоорганизации, что пагубно сказалось на уровне адаптации большинства людей к трудному переходному периоду.

Другое направление развития — это появление альтернативных государственным форм консолидации граждан. Среди них были как вполне «мирные» (такие как, например, движение КСП и Грушинский фестиваль), так и протестные. Именно из них затем выросло диссидентское движение, которое, в свою очередь, стало основой построения сети гражданских организаций в новой России.

Несмотря на то что диссиденты были относительно немногочисленны и, что более важно, играли, в отличие от ситуации в странах Восточной Европы, второстепенную роль в той коалиции, которая пришла на смену коммунистической власти, они единственные об-

---

¹³ Однако это не значит, что относительно небольшие НГО не заинтересованы в консолидации, наоборот, их потребность в ней даже больше, ведь им труднее, чем лидерам сектора, в одиночку выстраивать отношения с обществом, государством и бизнесом.

ладали законченной политической доктриной (хотя и весьма теоретической) – концепцией прав человека, впоследствии закреплённой в российской Конституции.

Сразу после образования новой России те из лидеров диссидентского движения, кто не вошел в новую власть (а их было абсолютное большинство, если не все), ощутили себя (и имели к тому все основания) лидерами сектора, а свои организации – моделями для новых НГО в центре и регионах, носители лучших практик, опыта работы и т.д. В миссии старейшей и одной из самых авторитетных НГО – Московской Хельсинкской группы записано:

«...после своего воссоздания в 1989 г., МХГ делает все возможное для укрепления и продвижения гражданского общества в России, оказывая всемерное и разностороннее содействие развитию правозащитного и общественного движения в регионах РФ»¹⁴.

Таким образом, ведущие российские правозащитные организации являются либо прямыми, либо косвенными наследниками советских диссидентов. Поскольку именно последние создали в СССР *прото-гражданское общество*, их наследники стали лидерами неправительственного сектора, его голосом и лицом.

И как раз эти их особенности делают их наиболее интересными для решения поставленных в нашей работе задач:

- будучи лидерами сектора, они отражают историю консолидации российского гражданского общества и причины ее низкого уровня;
- они позаимствовали большую часть своих черт от советских диссидентов, а потому позволяют понять, как влияние предшествующего развития повлияло на их деятельность, в частности на способность к консолидации.

3. Исследования гражданского общества: организационный аспект

В научной и аналитической литературе, посвященной российскому гражданскому обществу (как русско-, так и англоязычной), найти что-либо об истории консолидации российских НГО трудно.

¹⁴ URL: <http://www.mhg.ru/about/1433150>.

В статье «Общественная палата: для власти или общества?» Н. Петров из Московского центра Карнеги предлагает краткое описание процесса создания в регионах, в федеральных округах, на уровне всей страны общественных палат и им подобных институтов-посредников между гражданским обществом и государством (Петров, 2005). Однако другим площадкам взаимодействия НГО и государства, не говоря о площадках взаимодействия внутри сектора, в этой работе внимание не уделено. Об истории советского диссидентского движения написано много как в России, так и на Западе (см., например Алексеева, 2001; Зубарев, Кузовкин, 2006; White, 1999). Немало написано и о том влиянии, которое оказало диссидентское движение на развитие российского гражданского общества в 1990-е годы (Шмидт, 2006; Грин, 2006). Но какое влияние оно оказало именно на способность консолидироваться – вопрос, который пока остается неисследованным.

Тем не менее в работах, посвященных организационным характеристикам российского третьего сектора, имеются прямые и косвенные указания на недостаточный уровень консолидации гражданского общества (причины этого, впрочем, остаются за рамками исследований).

Анализируя проблемы неправительственного сектора в России, известный социолог В.Л. Римский (ИНДЕМ), среди прочих, приходит к такому выводу: «Руководители и активисты НКО и общественных объединений в большинстве своем пока оказываются неспособными к... дополнительным затратам усилий и ресурсов в интересах других организаций без возможности получения каких-либо преимуществ и компенсаций для себя» (Римский, 2008). А ведь это, по сути, описание того, как консолидация может выглядеть в реальности: она требует работы на общие интересы, которые могут быть весьма отдаленно связаны с деятельностью отдельной НГО.

Проблемы, связанные с консолидацией, затронуты также в исследовании, проведенном А.Ю. Сунгуровым и коллегами (Центр «Стратегия» и Государственный университет – Высшая школа экономики) и посвященном моделям взаимодействия власти и структур гражданского общества (Сунгуров, 2008). Они выделяют восемь таких моделей:

- модель «приводных ремней» (гражданское общество выступает в такой роли по отношению к государству);

- модель игнорирования (государство игнорирует НГО);
- модель поддержки («модель садовника», государство выступает «садовником» по отношению к гражданскому обществу);
- патерналистская модель (государство – патрон гражданского общества);
- модель «борьбы с противником» (противник государства – гражданское общество);
- партнерская модель;
- «модель архитектора» (гражданское общество – «архитектор» государства);
- модель гражданского неповиновения.

Нетрудно заметить, что только в трех последних моделях гражданское общество является инициативной стороной, т.е. субъектом, а не объектом действия. Причем согласно тем выводам, к которым приходят авторы данного исследования, эти три модели, хотя и встречаются в России (хотя бы в регионах), являются наименее распространенными. Иначе говоря, очевидно, что гражданское общество выступает, во многом, «страдательной» стороной, а это, как представляется, прямое следствие и свидетельство его разобщенности, неспособности к коллективному действию, т.е. недостаточной консолидации.

В связи с этим интересно посмотреть на результаты опроса руководителей НГО, которых попросили перечислить основные проблемы своих организаций¹⁵ (рис. 1).

Представляется, что большая часть указанных проблем так или иначе связана с консолидацией. Такие проблемы, как законодательные препятствия, проблемы доступа к информации и отсутствие интереса со стороны населения, вообще нельзя решить в одиночку, для этого необходимы консолидированные действия и ресурсы многих организаций, а переговорная позиция одной НГО, или даже их отраслевой или территориальной группы, очень слабая.

¹⁵ Опрос руководителей НГО, 1057 респондентов, осень 2007 г., ЦИРКОН (Мерсиянова, Якобсон, 2007б).

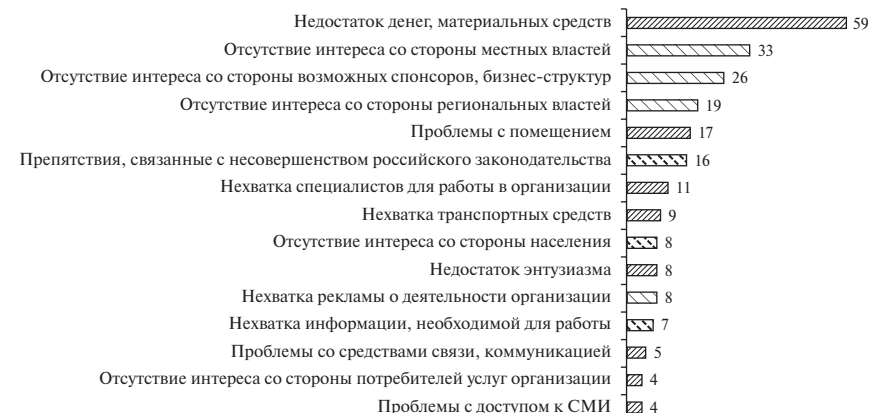

Рис. 1. Основные проблемы функционирования НГО (% опрошенных руководителей НГО)

4. Стадии консолидации гражданского общества России

Данная работа не претендует на полное историческое описание всех событий, связанных с консолидационными усилиями российских гражданских организаций. Мы только попытаемся, исходя из задач нашего исследования, выделить основные их этапы и бегло проанализировать проблемы и неудачи, которые подстерегали гражданское общество в его попытках консолидироваться.

- I этап. Полное отсутствие системы консолидации – характерно для начального периода становления гражданского общества, когда система взаимодействия еще не успела сформироваться (начало 1990-х годов).

В этот период ведущими организациями были наследницы пропартий и дискуссионных клубов времен перестройки. Власть вообще никак не проявляла себя в секторе.

Основным источником ресурсов для зарождающихся НГО были западные грантовые фонды. Некоторые их проекты, направленные на консолидацию в отдельных отраслях гражданского общества, отдельных регионах, были успешны. Однако, как отмечают эксперты, «волны» приоритетов доноров постоянно сменяли друг друга, что не позволяло проводить сколько-нибудь долгосрочную стратегию. Бо-

лее крупные проекты, в частности борьба за получение налоговых льгот, успехом не увенчались. Кроме того, некоторые эксперты усматривают препятствия для консолидации в конкуренции за гранты между организациями одного профиля или из одного региона.

Первые дискуссии о консолидации состоялись уже в 1992–1993 годах, в частности на конференции фонда «Интерлигал» «Признание третьего сектора»¹⁶ (май 1993 г.) и в рамках неформального клуба «Профи нон-профит» (создан в том же году, в формальную ассоциацию не перерос).

- II этап. Фрагментарная консолидация без формирования коалиции, формулирования и защиты своих позиций на уровне государства (1995–2001 годы).

В этот период самым заметным консолидационным процессом было создание Народной ассамблеи – изначально неформального клуба руководителей некоторых московских НГО, затем ставшего более разнообразным по составу участников. Основная цель ее создания состояла в том, чтобы находить партнеров для совместных проектов, решать частные проблемы, вырабатывать стратегии развития сектора (решение последней задачи удалось в наименьшей степени). Вызов, с которым не смогла справиться ассамблея, – формализация принятия решений. Некоторые эксперты полагают, что такое образование могло существовать только как неформальное и его постепенный упадок связан именно с попыткой формализации. Другие склонны видеть в такой точке зрения метастазу «интеллигентского сознания» начала 1990-х годов и считают иерархию принятия решений необходимым условием работы любой консолидационной структуры. Впрочем, возможно, процесс просто немного запоздал – участники Народной ассамблеи активно включились в подготовку Гражданского форума, главной темой обсуждения стал вопрос участия/неучастия в ней и форм этого участия, а не дела самой Ассамблеи.

Отдельным, и весьма интригующим, является следующий вопрос: были ли у лидеров российского третьего сектора прогнозы/предчувствия того, что в начале 2000-х годов государство будет усиливать давление на них. Большинство экспертов заявили, что ничего подобного они не помнят. Однако некоторые говорят о появлении первых

¹⁶ URL: <http://www.interlegal.ru/content/files/interlegal2.ppt>.

опасений относительно благополучного будущего сектора в конце 1999 года – времени прихода на пост премьер-министра В. Путина.

- III этап. Гражданский Форум (2001 г.) – первая попытка государства структурировать сектор НГО, проведенная с учетом мнений представителей данного сектора.

Изначально планировалось провести конгресс с выбором «руководителей», причем основным партнером Администрация Президента выбрала благотворительные фонды известных артистов, спортсменов и т.д. Увидев, что у последних нет требований к власти или даже желания с ней конструктивно обсуждать проблемы сектора, Администрация Президента обратилась в Народную ассамблею с предложением стать партнером в проведении форума. Были выдвинуты (и приняты) следующие условия:

- 1) прозрачность финансирования;
- 2) открытое обозначение инициатора – Администрации Президента;
- 3) проведение форума, куда попадают не по назначению и где никого не назначают руководителем;
- 4) проведение форума на паритетных началах властью и неправительственными организациями.

Многие правозащитные организации опасались узурпации «власти» на форуме группой близких к Администрации Президента экспертов, однако этого удалось избежать.

Основой работы Форума стали примерно 35–37 отраслевых переговорных площадок «НГО – органы власти». После него продолжили работу 5–7, что является вполне позитивным результатом, учитывая, что эта форма была новой для участников и со стороны власти, и со стороны НГО.

После 2003 года диалог между властью и гражданским обществом прервался¹⁷. Консолидация внутри последнего происходила, но в отдельных его секторах: те, кто даже в условиях жесткого давления государства не хотел полностью деполитизироваться (или, точнее, не участвовать в тех мероприятиях, которые властями воспринимаются как политические) – вокруг оргкомитета Всероссийского граждан-

¹⁷ Интересно, что М. Ходорковский был арестован наутро после выступления на Российском форуме в Нижнем Новгороде – прямом наследнике Гражданского форума.

ского конгресса; доноры (как российские, так и иностранные) – вокруг Форума доноров и т.д.

- IV этап. Общественная палата (2005 г.) – вторая и последняя по времени попытка структурировать гражданское общество; проведена без учета мнения самого сектора, «сверху».

Создание Общественной палаты было уже полностью основано на собственных представлениях власть предержащих о секторе и том, как должен выглядеть консолидирующий его орган. В результате появился официальный «шлюз» для взаимодействия ведомств и НГО.

С одной стороны, Общественную палату трудно игнорировать, с другой – часто министерства не признают и не готовы работать с НГО, не лояльными Общественной палате. Возможность для последних все же вести диалог с властью зависит от личных деловых и моральных качеств руководителя соответствующей комиссии Общественной палаты.

Эксперты расходятся в оценке роли ОП: некоторые говорят о легитимации хотя бы идеи гражданского общества и возможности политически-нейтральным НГО решать свои проблемы, другие – о том, что она создает привлекательный фасад для Запада, одновременно позволяя уничтожать всех, кого за этим фасадом не видно.

Нельзя не отметить, что реальная роль и полномочия палаты полностью зависят от политической конъюнктуры, поскольку по-настоящему заинтересованы в ее существовании только власти и те, кто получает какие-то выгоды от сотрудничества с ней. Отношения между последними также трудно назвать идеальными, ведь они были консолидированы искусственно, вследствие чего высока конкуренция за государственные ресурсы.

5. Кривая институциональных возможностей российского гражданского общества

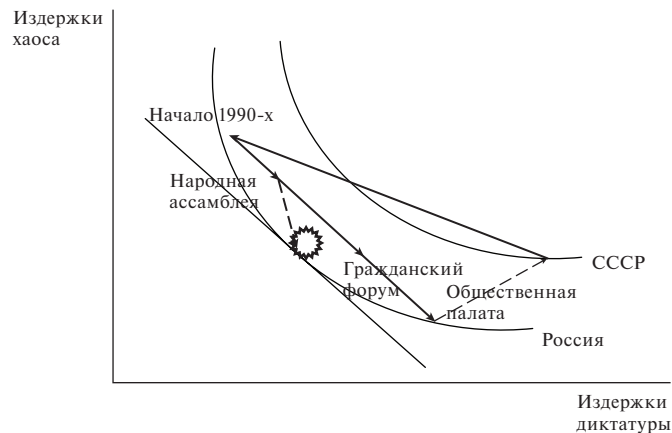
Для того чтобы показать, что путь российского гражданского общества в терминах его консолидации был не случайным, а, наоборот, подчиненным логике, имеющим четкое направление движения, мы используем модель, предложенную экономистами С. Дьянковым,

А. Шляйфером и их коллегами в статье «Новая сравнительная экономика» (Djankov, Shleifer et al., 2003).

Кривая институциональных возможностей (institutional possibility frontier – IPF) – это линия, которая состоит из точек, каждая из которых является комбинацией двух типов издержек – хаоса и диктатуры. Первые связаны с частной экспроприацией чужого имущества и, шире, с любыми искажениями институциональной структуры, которые приводят к появлению необоснованных выгод у кого-то из игроков на рынке/в обществе. Вторые связаны с экспроприацией государством и, шире, с любым искажением институциональной структуры, которая позволяет государству манипулировать игроками на рынке/в обществе в своих интересах и создавать одним из них необоснованные преимущества. Кривая помогает увидеть, что два типа издержек (кошмар либералов – издержки диктатуры, и кошмар дирижистов – издержки хаоса) не являются взаимоисключающими. Это две стороны одной медали. Чем меньше издержки одного типа, тем больше другого, и наоборот. Прямая, проходящая под углом 45°, характеризует линию постоянных суммарных издержек хаоса и диктатуры, а ее касание с IPF – минимально доступную на соответствующей IPF сумму указанных издержек. Все остальные точки на кривой соответствуют более высокой сумме издержек.

В данном случае издержками хаоса будут являться издержки общества от менее эффективной работы самих НГО (отсутствие консолидированной позиции и способности общими силами ее отстаивать, приводящее к безрезультатности кампаний и лоббистских усилий/снижению репутации всего сектора из-за неспособности предотвратить использование формы НКО коммерческими организациями). Издержками диктатуры будут издержки снижения эффективности контроля за государством со стороны гражданского общества (в том числе обеспечивая эксклюзивные благоприятные условия для создания и существования псевдоНГО) и неточного выбора государством объектов для поддержки.

Расположим все выделенные нами точки на IPF. Точка, относящаяся к ситуации в СССР, расположена на кривой, общая сумма издержек на которой во всех точках выше, чем на кривой, соответствующей ситуации в России.

Рис. 2. Кривая институциональных возможностей российского гражданского общества

Теперь нам наглядно видно, что неспособность гражданского общества перейти из точки полной дезорганизации к некоему «хорошему союзу» на фоне постепенного укрепления государства привела к тому, что попытки государства консолидировать его насильно, тем самым подчинив себе и нейтрализуя опасность, исходящую от свободных НГО¹⁸, оказались успешными: по отдельности НГО никак не могли противостоять государству. Более того, без энтузиазма отнестись к Гражданскому форуму, ведущие НГО не смогли даже провести консолидацию «на своих условиях», хотя и под контролем государства. Созданная в результате Общественная палата пользуется невысоким доверием как населения, так и самих НГО (Доклад., 2007) и потому является малоэффективным институтом. Это полностью соответствует идее кривой институциональных возможностей — движение по той ее части, которая находится ниже эффективной точки (от Гражданского форума к Общественной палате), лишь немного снизило издержки хаоса¹⁹, сильно увеличив издержки диктатуры. Вот что пишет по этому поводу Т. Ворожейкина:

¹⁸ То есть действуя в краткосрочном периоде рационально, хотя и небенево-лентно.

¹⁹ По мнению значительной части руководителей иностранных фондов, в ситуации постоянных нападок на НГО создание Общественной палаты имело и положительный результат: необходимость иметь хотя бы какое-то гражданское общество была под-

«Мне кажется, что участие ассоциаций гражданского общества в таком проекте, где условия взаимодействия диктуются властью, а переговорная позиция общественных организаций — откровенно слабая, заводит ситуацию в стране в еще больший тупик, еще больше ослабляя и государство, и гражданское общество. Государство, власть, политический режим традиционно выступали в России фактором, препятствовавшим и подавлявшим самостоятельное структурирование и самоорганизацию общества. Чем более аморфным и несамостоятельным было общество, тем большее число организационных и трансформационных задач ложилось на государство» (Ворожейкина, 2005, с. 12).

Таким образом, еще в конце 1990-х годов третий сектор в России имел не одну альтернативу движения, но не смог выбрать оптимальную траекторию. Не использовав возможности для консолидации в период доброжелательного игнорирования со стороны государства, неправительственный сектор вступил в период проявления и укрепления авторитарных тенденций разобренным, а значит крайне уязвимым к давлению со стороны государства.

6. Объяснение зависимости от предыдущего пути развития

Выше мы обсудили траекторию движения гражданского общества в терминах его консолидации. Однако вопрос о причинах того, почему траектория сложилась именно так, мы не затронули.

Наша гипотеза состоит в том, что поведение ключевых для консолидации игроков третьего сектора было подвержено сильному влиянию диссидентского движения, и именно это предопределило их пренебрежение проблемами консолидации. Иными словами, начальная точка, из которой стартовало российское гражданское общество, была результатом зависимости от пути развития, который прошло правозащитное движение в СССР (path dependence).

Это легко объяснить: правозащитники имели общего врага и общую идеологическую платформу — права человека и примат закона

тверждена на уровне государства, и появился референтный для международных организаций и иностранных правительств орган, с помощью которого можно улаживать некоторые конфликты, возникающее из-за созданных высоких барьеров для НГО.

над принятой практикой (Конституции над произволом спецслужб; международных обязательств СССР над внутренними инструкциями и законами об антисоветской деятельности, руководящей роли партии и т.д.).

Вопрос о том, возможно ли выработать столь же единую платформу действия в нетоталитарном государстве, остается открытым. Некоторые эксперты полагают, что это либо невозможно в принципе, либо возможно ровно в той степени, в какой власть является авторитарной и походит стилем и сутью своих действий на руководство СССР. Другие полагают, что консолидация российских диссидентов шла от позитивного начала и была направлена на развитие (а именно на представления о том, что справедливость существует и зафиксированные на бумаге положения должны выполняться), более того, никакая другая консолидация не дала бы такого импульса и не заставила людей сидеть в тюрьмах ради защиты своих ценностей.

Что, может быть, еще важнее, – это репрессии режима, которые никогда не делали различия между разными диссидентскими группами и мотивами их участников.

Таким образом, парадокс состоит в том, что идеологически очень широкий спектр людей и организаций (монархистов, националистов, разнообразных социалистов, демократов, либертарианцев, почвенников, западников и т.д.) объединяли только режим и его репрессии, а также самые общие принципы прав человека (те, которые признавали за каждым из элементов спектра право на существование, высказывание, участие в политической борьбе и т.д.). Когда эти факторы исчезли, диссидентское движение, казалось бы, такое монолитное, сразу разделилось на разные части.

Ситуация в сколько-нибудь демократической стране отличается от вышеописанной принципиально. В ней гражданское общество не является единым по определению: его важнейшими функциями становятся адвокати́рование (advocacy) и лоббирование интересов (lobbing), а в данном случае позиция объединения работодателей может быть прямо противоположна союзу экологов. Более того, если атака одного диссидента может быть предельно эффективна, то для влияния необходимы не простые инструменты нападения (распространение информации, массовые акции), а сложные инструменты лоббирования (участие в принятии решений на всех уровнях, способность идти на разумный компромисс и т.д.).

Самюэль Грин в статье «Государство и общественный суверенитет» отмечает: «...лидеры гражданского общества так и не смогли до конца понять, что ситуация, в которой им предстояло действовать теперь, качественно иная, и они либо продолжали придерживаться старых, оппозиционных форм поведения, либо, подобно “Мемориалу”, сконцентрировались на переоценке прошлого вместо того, чтобы разрабатывать программу на будущее... Безусловно, многие лидеры гражданского общества в посткоммунистических странах не смогли приспособиться к новым обстоятельствам. Те из них, кто пытался участвовать в политике, в том числе Андрей Сахаров, Вацлав Гавел и Лех Валенса, часто действовали неумело и теряли популярность. Организации типа Московской Хельсинкской группы (МХГ), продолжавшие свою деятельность в постсоветской России, постепенно утратили влияние на общество и стали казаться неуместными и назойливыми. То же произошло и с авторитетными диссидентскими газетами и журналами. Кризис идей становился все более очевидным, правозащитники пытались разработать иную стратегию и обратиться к новым проблемам, чтобы вновь обрести почву под ногами, но по большей части потерпели неудачу»²⁰ (Грин, 2006, с. 33).

Таким образом, отсутствие необходимости консолидироваться и, с другой стороны, некоторый уровень консолидации, существовавший по определению, предопределили то невнимательное отношение к консолидации, которое имело место после краха СССР.

7. Выводы

Итак, мы продемонстрировали, что разительный контраст между опережающим развитием гражданского общества 1990-х годов и его сравнительным отставанием в 2000-е годы во многом объясняется тем, что в период доброжелательного игнорирования со стороны государства неправительственный сектор не смог консолидироваться, что не позволило ему эффективно противостоять давлению и репрессиям государства в следующем периоде. Такая ситуация привела к

---

²⁰ Тем не менее С. Грин делает вывод, что указанные неудачи не следует распространять на весь третий сектор. Это верно, однако, как показано выше, для консолидации сектора положение именно этих организаций имело критическое значение.

институциональной неэффективности, а именно к высоким издержкам диктатуры, и заставила неправительственные организации в 2000-е годы тратить львиную долю своих усилий на не всегда успешную борьбу за существование. Низкий уровень консолидации стал следствием недооценки ее важности во взаимоотношениях как с государством, так и с обществом со стороны лидеров сектора — наследников крупнейших советских диссидентских групп, которые были отчасти консолидированы противостоящим им режимом, а отчасти не нуждались в консолидации в силу другого характера их работы в СССР.

В заключение хотелось бы отметить, что позитивные сдвиги в направлении консолидации в среде российских гражданских активистов все же имеются. Из указанных в начале работы трех составляющих консолидации ключевым, на наш взгляд, является первый — осознание ее необходимости.

Отчасти в результате внутренних процессов (кристаллизация центров роста гражданской активности²¹), отчасти под давлением государства (введение нового законодательства об НКО и последовавшее за ним локальное объединение части лидеров третьего сектора в борьбе за снижение отрицательных последствий этого закона) возобновляется прерванный в 2003 году процесс создания переговорных площадок «НГО — власть».

Еще одним последствием принятия нового закона об НКО стало начало дискуссии о саморегулировании сектора в новых условиях. Ему способствовало и повышение стандартов отчетности перед обществом в некоторых отдельных отраслях третьего сектора, например благотворительности. Основная идея этой дискуссии является одновременно и выигрышной при переговорах с государством, и полезной для развития сектора. Кратко она сформулирована в статье С.Г. Маковецкой «О соблазнении саморегулированием» (Маковецкая, 2006): «Саморегулирование — это обращение правозащитных организаций к обществу, хотя возникает в ответ на давление государства на некоммерческую, в том числе правозащитную, деятельность. То есть саморегулирование решает проблемы правозащитников с населением прежде всего, а не с властью».

---

²¹ Таких как Пермь, где Пермская гражданская палата благодаря тому, что вокруг нее объединились все основные НГО, заставила считаться с собой власть и стимулирует опережающее развитие третьего сектора региона.

Наконец, в отсутствие единства в центре начинаются консолидационные процессы снизу. Самые известные примеры — успешная акция в защиту озера Байкал весной 2006 года, объединившая широкий круг экологических организаций, заручившихся поддержкой многих лидеров гражданского общества, занимающихся другими проблемами, и движение автомобилистов, в 2006 году институционализировавшееся в Межрегиональную общественную организацию «Свобода выбора», которая объединила водителей страны в борьбе против несправедливо наказанного Олега Щербинского, и продолжает защищать интересы автовладельцев (обладателей машин с правым рулем, подержанных иномарок и т.д.)²². Проблемы предыдущего периода мешают развиваться и им — по признанию одного из руководителей этой организации, как только она была оформлена в качестве НГО, почти все его время стало уходить на поддержание формально зарегистрированной структуры. Но это и залог того, что необходимость консолидации будет осознаваться и авторитетными московскими организациями, созданными еще в начале 1990-х годов, и новыми общественными движениями.

---

²² Более подробный обзор «низовых» общественных инициатив и объединений см. в (Гонтмахер, 2008).

Эксперты²³

1. Ольга Алексеева – глава Charity Aid Foundation Global Trustees
2. Александр Аузан – Президент Института национального проекта «Общественный договор»
3. Борис Беленкин – член Правления Международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал»
4. Нина Беляева – зав. кафедрой публичной политики факультета политологии Высшей школы экономики, Президент Международного общественного фонда «Интерлигал»
5. Елена Ковалевская – член Экспертного совета при Уполномоченном Российской Федерации по правам человека; Фонд Сороса; Высшая школа экономики, эксперт
6. Светлана Маковецкая – руководитель исследовательского проекта «Будущее прав человека в России», программный директор Института национального проекта «Общественный договор»
7. Алексей Симонов – Президент Фонда защиты гласности
8. Наталья Таубина – директор фонда «Общественный вердикт»

²³ Должность указана на момент интервью.

Литература

1. Аузан А.А. Гражданское общество как альтернативный способ производства благ // Гражданское общество: экономический и политический подходы. Рабочие материалы. 2005. № 2.
2. Аузан А.А., Золотов А.В. (ред.). Экономические последствия нового законодательства о некоммерческих организациях / Институт национального проекта «Общественный договор», 2007.
3. Абдрахманова Г.И., Ковалева Н.В., Санович С.В. Статистика некоммерческого сектора России // Якобсон Л.И (ред.). Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством. М.: Вершина, 2008.
4. Аверкиев И.В. Как выглядят права человека в России и в мире? // Будущее прав человека в России. 2006. Вып. 1.
5. Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР. РИЦ «Зацепа», 2001.
6. Бахмин В.И. О фондах в России. Логос, 2004.
7. Ворожейкина Т.Е. Гражданское общество и авторитарная власть // Гражданское общество: экономический и политический подходы. Рабочие материалы. 2005. № 2.
8. Гонтмахер Е.Ш. и др. Общественные объединения нового типа: создание банка данных, анализ и перспективы дальнейшего развития / Фонд «Народная Ассамблея», 2008.
9. Грин С.А. Государство и общественный суверенитет // Pro et Contra. 2006. № 10 (1).
10. Доклад Общественной палаты Российской Федерации «О состоянии гражданского общества в Российской Федерации» за 2006 год. Общественная палата РФ, 2007.
11. Доклад Общественной палаты Российской Федерации «О состоянии гражданского общества в Российской Федерации» за 2008 год. Общественная палата РФ, 2009.
12. Зубарев Д.И., Кузовкин Г.В. (сост.). Документы Московской Хельсинкской группы (Московская Хельсинкская Группа; общество «Мемориал»). МХГ, 2006.
13. Дубин Б.В. «Деградируют все – элиты, интеллигенция, население // Индекс/Досье на цензуру. 2006. № 24.

14. Зудин А.Ю. Истоки перемен. Культурная трансформация позднесоветского общества // *Мировая экономика и международные отношения*. 1999а. № 4.
15. Зудин А.Ю. Культура советского общества: логика политической трансформации // *Общественные науки и современность*. 1999б. № 3.
16. Кордонский С.Г. Государство, гражданское общество и коррупция // *Отечественные записки*. 2005. № 6 (26).
17. Маковецкая С.Г. О соблазнении саморегулированием // *Будущее прав человека в России*. 2006. Вып. 1.
18. Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И. Мониторинг гражданского общества. Вып. 1. Общественная активность населения и восприятие гражданами условий развития гражданского общества. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007а.
19. Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И. Мониторинг гражданского общества. Вып. 2. Негосударственные некоммерческие организации: институциональная среда и эффективность деятельности. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007б.
20. Отчет по исследованию «Гражданское общество в России» (анализ вторичных данных). Левада-центр, 2006.
21. Петров Н.В. Общественная палата: для власти или для общества? // *Pro et Contra*. 2006. № 10 (1).
22. Полищук Л.И. Бизнесмены и филантропы // *Pro et contra*. 2006. № 10 (1).
23. Римский В.Л. Стратегические проблемы развития НКО в России // *Некоммерческий сектор: экономика, право, управление: доклады международной конференции*. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008.
24. Сунгуров А.Ю. Взаимодействие власти и структур гражданского общества: возможные модели // *Гражданский диалог*. 2008. № 3.
25. Шмидт Д. Какое гражданское общество существует в России? // *Pro et Contra*. 2006. № 10 (1).
26. Anheier H. Reflections on the Concept and Measurement of Global Civil Society // *Voluntas*. 2007. No. 18 (1).
27. Belyaeva N., Proskuryakova L. Civil Society Diamond: CIVICUS Civil Society Index Shortened Assessment Tool. Report for Russian Federation. Interlegal Foundation, Research centre for Public Policy and Global Governance, 2008.

28. Biddulph H. Protest strategies of the soviet intellectual opposition // *Tokes R.L. (ed.). Dissent in the USSR: Politics, Ideology, and People*. The Johns Hopkins University Press, 1975.
29. Choking on Bureaucracy. State Curbs on Independent Civil Society Activism. 2008. Human Rights Watch.
30. Djankov S., Shleifer A, Glaeser Ed., La Porta R., Lopez-de-Silanes F. The new comparative economics // *Journal of Comparative Economics*. 2003. No. 31. P. 595–619.
31. Freedom of Association Under Threat: The New Authoritarians' Offensive Against Civil Society. 2008. Freedom House.
32. Hearing «Human Rights, Civil Society, and Democratic Governance in Russia: Current Situation and Prospects for the Future». 2006, February 8. Helsinki Commission (United States Commission on Security and Cooperation in Europe). (http://www.csce.gov/index.cfm?Fuseaction=UserGroups.Home&ContentRecord_id=366&Content Type=H&ContentRecordType=H&UserGroup_id=101&Subaction=By Date&IsTextOnly=False).
33. Jakobson L., Sanovich S. 2009. The Third Sector in Russia a Change of Model. ISTR Conference Working Papers. Volume VI – Eighth International Conference, Barcelona, Spain, July 9–12, 2008.
34. Social Enterprise: A new model for poverty reduction and employment generation. UNDP and EMES, 2008.
35. Uhlin A. Post-Soviet Civil Society Democratization in Russia and the Baltic States. Routledge, 2006.
36. White A. Democratization in Russia under Gorbachev, 1985-91. *The Birth of a Voluntary Sector*. Palgrave Macmillan, 1999.

*Препринт WP10/2009/03
Серия WP10
Научные доклады лаборатории
институционального анализа*

С.В. Санович

**Консолидация гражданского общества
в переходной России**

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

ЛР № 020832 от 15 октября 1993 г.
Отпечатано в типографии Государственного университета –
Высшей школы экономики с представленного оригинал-макета.
Формат 60×84^{1/16}. Бумага офсетная. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 1,94.
Усл. печ. л. 1,86. Заказ № . Изд. № 897

Государственный университет – Высшая школа экономики. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Государственного университета – Высшей школы экономики. 125319, Москва,

Тел.: (495) 772-95-71; 772-95-73

Для заметок
